

Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

(К 75-летию выхода в свет книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»)

Маркс и Энгельс в своих трудах не раз обращались к проблемам первобытной истории и тесно связанным с ними проблемам этнографии. Этим они преследовали не только широкие теоретические цели — создание обобщающей философии исторического процесса, — но и непосредственно практические, политические задачи. Для того, чтобы обосновать возможность и неизбежность перехода общества на высшую, коммунистическую стадию развития, надо было показать исторически обусловленный, преходящий характер устоев капиталистического общества, а для этого, в свою очередь, было необходимо исследовать происхождение таких якобы изначальных и вечных институтов, как частная собственность, классы и государство. Здесь, как и в других областях творчества основоположников научного коммунизма, ярко выступает неразрывная связь революционной науки с практикой революционной борьбы пролетариата за ниспровержение капитализма и построение коммунистического общества.

Разработка Марксом и Энгельсом материалистической концепции первобытной истории, отразившись в ряде их статей и фундаментальных трудов, нашла свое завершающее выражение в специальном исследовании по истории первобытно-общинной формации. Это исследование было начато в 1880 г. Марксом и после его смерти продолжено и закончено Энгельсом, который, далеко продвинувшись по намеченному его старшим соратником пути, в 1884 г. выпустил в свет классическое произведение марксистской исторической литературы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — произведение, оцененное В. И. Лениным как «одно из основных сочинений современного социализма»¹.

Книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» явилась плодом многолетнего глубокого изучения историко-этнографических данных, критического освоения большого количества специальных работ, на материалах которых Энгельсом были раскрыты важнейшие, зачастую не понятые самими авторами этих работ особенности первобытной формации. Главным источником, положенным Энгельсом в основу своего исследования, была книга «Древнее общество» выдающегося американского этнографа Л.-Г. Моргана, который, собрав большой фактический материал и стихийно придя к материалистическому пониманию истории, впервые попытался внести определенную систему в наши представления о древнейшем прошлом человечества. Однако труд Энгельса ни в коей мере не являлся простым переложением работы Моргана. «Было бы нелепо, — писал Энгельс, — лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковывать его критически и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззре-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

ниями и уже полученными выводами»². Энгельс основательно переработал обобщенный Морганом материал, дополнил его важнейшими новыми выводами и, таким образом, совершенно самостоятельно дал исчерпывающее истолкование процессу первобытной истории. По сравнению с «Древним обществом» Моргана «Происхождение семьи, частной собственности и государства» явилось не просто крупным научным шагом вперед, но принципиально новым шагом, в котором сказалось последовательное применение методологии исторического материализма.

Невозможно переоценить значение, которое имел труд Энгельса для развития исторической науки вообще и истории первобытного общества в особенности. В нем впервые были даны теоретические основы, определившие отправную точку истории человеческого общества, установлены начальный и конечный рубежи первобытно-общинной формации и раскрыты основные закономерности ее развития. В нем было показано, что основой исторического процесса первобытности, как и последующих социально-экономических формаций, являлось прогрессивное развитие производительных сил и что этот процесс при всем конкретно-историческом своеобразии его вариантов был в основном универсальным для всех групп первобытного человечества. В книге Энгельса показано, что первобытная экономика базировалась на коллективной, общинно-родовой собственности, исторически предшествовавшей частной собственности, что материнский род и присущие ему формы групповой и парной семьи исторически предшествовали отцовскому роду и патриархальной, а затем моногамной семье, что первобытное народовластие исторически предшествовало отделенному от народа органу классового угнетения — государству. В книге, иначе говоря, раскрыты и обоснованы марксистские идеи единства исторического пути человечества, исторического прогресса и закономерной сменяемости тех общественных форм, которые классовой наукой были объявлены «естественными» и «непоколебимыми» устоями человеческого общежития.

Вместе с тем труд Энгельса давал важнейшие методологические установки для понимания исторических взаимоотношений между передовыми и отставшими в своем развитии народами. Показав, что развитие всего человечества всегда определялось общими, едиными историческими закономерностями, Энгельс нанес решительный удар колониалистскому противопоставлению «культурных», или «исторических», и «природных», или «неисторических», народов, из которых якобы только первые являются активным субъектом истории и, следовательно, призваны руководить вторыми.

Со времени появления «Происхождения семьи, частной собственности и государства» революционная марксистская теория прочно заняла ключевые позиции в первобытном разделе исторической науки. Не будет преувеличением сказать, что отныне все развитие буржуазной науки о первобытном обществе по существу было подчинено задаче контрнеступления на марксизм. Посмотрим, какими путями шло это контрнеступление за истекшие три четверти века.

*
*
*

Сила материалистического учения о первобытности была такова, что на первых порах многие его основные положения получили значительное распространение в самой буржуазной науке. Во второй половине 1880-х годов в трудах ряда крупнейших ученых того времени широко отразились идеи единства законов развития первобытного общества, первобытного коллективизма, универсальности материнского рода. Одна-

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 372.

ко именно возрастающий успех новых идей, неразрывно связанный с торжеством материалистического понимания исторического процесса, неизбежно должен был вызвать реакцию буржуазной идеологии, ее контратаку на марксизм. Эта контратака не была изолированной схваткой на одном из участков идеологического фронта — она была неотделима от ускорившегося в 1890-х годах перехода капитализма на империалистическую стадию развития, а вместе с тем и от начавшегося общего кризиса буржуазных обществоведческих наук, их окончательного перехода на реакционные антинаучные позиции.

В прошлом, когда капитализм еще не вступил в нисходящую стадию своего развития, передовыми представителями буржуазной этнографии были выдвинуты идеи, сыгравшие положительную роль в развитии науки о первобытности. Эволюционная школа в этнографии, несмотря на весь схематизм сконструированной ею бесформенной вненациональной мировой культуры, приблизилась к пониманию законов поступательного движения общества; Л.-Г. Морган, отпавляясь от идей эволюционизма, но сумев почти оторваться от них, по словам Энгельса, «в границах своего предмета самостоятельно открыл во второй раз Марксово материалистическое понимание истории...»³. Теперь, в эпоху империализма, перед лицом растущей угрозы революционной борьбы и распространения революционной идеологии марксизма буржуазная этнография, как и буржуазная гуманитарная наука в целом, стала спешно отрекаться от «грехов молодости», от эволюционизма, от Моргана, от идеи закономерного исторического развития человечества, гениально развитой Марксом и Энгельсом в их обобщающей философии истории.

Начавшись разрозненными выступлениями отдельных апологетов классовой науки, это фронтальное наступление вскоре привело к возникновению ряда этнографических школ, взявших на вооружение идеи новейшей буржуазной философии и в свою очередь постаравшихся представить фактический материал для реакционных философско-социологических построений. Чтобы понять положение, создавшееся в современной буржуазной науке о первобытном обществе, напомним в общих чертах концепции этих школ — «школы культурных кругов» в Германии и ее преемницы — венской «культурно-исторической школы», «функциональной школы» в Англии и «школы исторической антропологии» в США.

Методологические позиции «школы культурных кругов», в самом начале XX в. разработанные ее основоположником Ф. Гребнером, могут быть определены как перенесение в область этнографии, а вместе с тем и первобытной истории идей неокантианской философии риккертского толка. Заимствовав риккертский тезис о непознаваемости закономерностей общественного развития и соединив его с так называемой «антропогеографией» Ф. Ратцеля, Гребнер по ряду формальных признаков сконструировал некоторое количество обособленных комплексов, или «кругов», человеческой культуры, которая, по его мнению, не развивается во времени, а лишь взаимодействует (диффундирует) в географическом пространстве. Теория Гребнера была должным образом оценена противниками марксизма. В 1910-х годах она была подвержена основоположником венской «культурно-исторической школы» В. Шмидтом, на протяжении почти полувека неустанно пытавшимся использовать данные этнографии для опровержения марксистской концепции истории первобытного общества. Католический патер Шмидт с самого начала откровенно поставил своей целью доказать незыблемость библейской традиции в той ее части, в какой она послужила обоснованием идеологии классового общества, или, иными словами, доказать изначальность религиозного мировоззрения, моногамной семьи, частной собственности и патриархальной власти. Для этого Шмидт несколько видоизменил греб-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 358.

неровский метод, в который он внес элементы ложного «историзма», заостренного против подлинно научных тенденций раскрыть закономерности общественного развития. Расположив «культурные круги» по определенной генеалогической схеме — от «пигмейской пракультуры» до «высших культур» народов Старого Света, — он путем подтасовки научных фактов, с одной стороны, сконструировал две параллельные, независимые друг от друга линии развития — патриархальную и матриархальную, с другой, — констатировал у «патриархальных народов» изначальное существование названных выше институтов и идей классового общества. Таким образом, если для школы культурных кругов были характерны идеи индетерминизма и агностицизма, то Шмидт и его последователи, полностью сохранив первую из этих идей, отказались от второй во имя попытки сконструировать антиэнгельсовскую схему происхождения семьи и частной собственности.

Возвращение к старым знаменам агностицизма сказалось в концепции функциональной школы Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Броуна, возникшей в Англии вскоре после первой мировой войны. В этнографии, как и в истории, экономике, правоведении и других гуманитарных науках, функционализм отражал гносеологические установки марбургской школы неокантианства, которая, объявив непознаваемыми начало и конец любого явления, выдвинула в качестве единственной задачи познания выявление функций этого явления. Задачам исторического исследования, в частности исследования происхождения и развития общественных институтов, этнографы-функционалисты противопоставили чисто утилитарное изучение функций институтов «туземных культур» для того, чтобы в условиях кризиса колониальной системы империализма практически помочь колониальным властям обеспечить завуалированное (так называемое «косвенное») управление отставшими в своем развитии народами.

Наконец, американская «школа исторической антропологии» вообще не составила принципиально нового научного направления. Вместо гребневской теории культурных кругов мы видим здесь так называемые культурные ареалы, с помощью которых американские этнографы-теоретики долгое время пытались опровергнуть идеи исторического единства и прогресса преимущественно с позиций того же диффузионизма. Только в 1930-х—1940-х годах, когда североамериканский империализм выступил с откровенными притязаниями на мировое господство, теоретическая этнография в США начинает быстро активизироваться и перевооружаться. На основе эклектического соединения теории «культурных ареалов», прагматического «инструментализма» (философия американского махиста Дьюи), фрейдистской психологии и функционализма здесь возникает так называемое этнопсихологическое направление, различные оттенки которого представлены в работах Р. Бенедикт, А. Кардинера, Р. Линтона, К. Клюкхоффа, М. Мид и ряда других этнографов. Этнопсихологи объявили все культуры, общества, общественные институты и т. п. лишь отражением определенных комплексов индивидуальной или групповой психики и, сконструировав великое множество «моделей» («профилей», «образцов», «конфигураций») культуры, наделили их имманентными, раз навсегда данными и в то же время весьма различными по своей «социальной ценности» чертами. В этой своей конструкции этнопсихологи, как и функционалисты, стремились сочетать теоретическую борьбу против марксизма с непосредственной практической помощью империалистической агрессии. Первое достигалось отстаиванием идей бесконечной множественности и несонизмеримости отдельных культур и обществ, их стабильности и качественной («психической») неизменности на всем протяжении от первобытности и до сегодняшнего дня, второе — апологетикой «культурного профиля» американцев, якобы призванных руководить другими, менее полноценными народами. В концепции этнопсихологи-

чешской школы особенно разительно сказалось катастрофическое падение американской этнографии, которая, некогда дав науке Моргана, а затем на долгие годы сделавшись цитаделью антиморганизма, в конечном итоге пришла к неорасистскому противопоставлению «высших» и «низших» этнопсихических профилей человечества.

До недавнего времени названные направления почти безраздельно господствовали в реакционной зарубежной науке. Сейчас положение несколько изменилось. Кризис вступил в новую фазу, отмеченную дальнейшим разбродом в рядах буржуазных этнографов. Ряд видных этнографов США — Кребер, Херсковитц, Стюард и др. — отказался от статичного описания отдельных культур с диффузионистской или этнопсихологической их интерпретацией и выступил с более или менее явным признанием идеи исторического развития культуры и общества. Сходные явления наблюдаются среди этнографов западноевропейских стран: так, например, ученики Малиновского — Шапера и Лич, поправ кредо функционализма, высказались за целесообразность изучения социальных отношений в их историческом развитии, хотя бы и в пределах всего лишь полутора-двух прошедших столетий. Было бы, однако, ошибкой видеть в этих новых веяниях в буржуазной этнографии обращение к подлинному историзму. Если Кребер, Херсковитц и ряд других этнографов США объявляют о принятии ими идеи исторического развития, то только затем, чтобы тут же полностью обесценить ее нигилистической теорией «релятивизма», отрицающей какие бы то ни было объективные критерии в оценке общественного развития. Если Стюард обращается к многократно отвергнутой его коллегами идее Эволюции, то только затем, чтобы принять ее в форме «неоэволюционизма», т. е. многолинейной, лишенной исторического единства эволюции⁴. Тесно смыкаясь с так называемой «теорией ценностей», одним из основных тезисов которой является этноцентричность в оценке различных культур и, следовательно, их принципиальная несравнимость, релятивизм и неоэволюционизм представляют собой, таким образом, очередную атаку на марксизм, но атаку уже с новых, якобы исторических позиций.

Путь, пройденный буржуазной теоретической этнографией с 1890-х годов, — это извилистый путь бесконечных маневров, резких теоретических поворотов, бесславного погребения эфемерных направлений и школ и внезапной гальванизации уже преданных забвению идей. Правомерен вопрос: чем все же объясняются все эти новые маневры буржуазной науки?

Одна из причин этих маневров несомненно кроется в известном «саморазрушении» псевдонаучных построений под давлением противостоящих им объективных научных фактов. Как бы искусно эти факты препарировались, они не умещаются на отведенном им прокрустовом ложе и неумолимо заставляют буржуазных теоретиков снова и снова пересматривать свои позиции, обращаться к новым концепциям, долженствующим хоть как-то ответить на «проклятые вопросы», которые ставит перед реакционной наукой вновь накопленный фактический материал. В том же направлении действует борьба между отдельными школами буржуазной этнографии. Общая антимарксистская позиция не снимает соперничества между сторонниками различных «национальных школ». Известно, что этнопсихологическое направление в американской этнографии подверглось критике со стороны английских и немецких ученых; с другой стороны, и за океаном имел место ряд выступлений

⁴ См.: «Anthropology Today: an Encyclopedic Inventory», Chicago, 1953; «Minutes of a discussion on progress and on value of the V International Congress of Anthropological and Ethnological sciences», Philadelphia, 1956; см. также: Ю. П. Аверкиев, О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии, «Сов. этнография», 1958, № 3.

против культурно-исторического метода и функционализма. Немалую роль в крушении наиболее реакционных этнографических школ, и в первую очередь этнопсихологической школы, сыграло резкое возмущение американским неорасизмом в среде тех народов, которые уже стали или должны были стать жертвой американской агрессии, — возмущение, ярко проявившееся, например, в критических выступлениях японских и индийских этнографов.

Но самое главное заключается в другом. Со времени возникновения марксизма развитие науки определяется острой борьбой между материалистическим и идеалистическим мировоззрением. Идеалистическому пониманию истории противостоит концепция исторического материализма, созданная Марксом и Энгельсом, гениально развитая Лениным и творчески разрабатываемая марксистской наукой. Обострение кризиса реакционной этнографии и растущий разброд в рядах ее адептов — это в первую очередь свидетельство торжества марксистской теории исторического процесса, свидетельство успехов вооруженной этой теорией марксистской историко-этнографической школы.

* * *

Разрабатывая теоретические положения марксизма, и прежде всего классического труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», советские этнографы и археологи уже в 1920-х годах активно включились в изучение истории первобытного общества. Поднятый за это время большой этнографический и — что особенно показательно — почти отсутствовавший во времена Энгельса археологический материал представил новую неопровержимую аргументацию в пользу материалистической концепции первобытной истории. В работах советских этнографов и археологов П. П. Ефименко, А. М. Золотарева, М. О. Косвена, С. П. Толстова и других были показаны универсальность первобытно-общинного родового строя как первой социально-экономической формации и полнейшая несостоятельность попыток представить родовую общину как случайное, эпизодическое явление в древнейшей истории человечества. В связи с этим большое внимание было уделено борьбе с антинаучными теориями культурных кругов, многолинейного развития общества, локальной ограниченности материнского рода и т. п. В ряде исследований было продемонстрировано наличие матриархально-родовых пережитков у народов индоевропейской лингвистической семьи и, следовательно, беспочвенность утверждений об исконно патриархальном строе «арийских» народов (так называемая теория «неарийского матриархата»). Не меньшее значение имело обнаружение этих пережитков у ряда народов Сибири (эвенков и др.), рассматривавшихся последователями культурно-исторической школы в качестве типичных представителей патриархальной пастушеской «пракультуры». Еще одним крупнейшим вкладом советских ученых в разработку этого круга вопросов явилось установление широчайшей распространенности одного из характерных признаков первоначального материнского рода — дуальной экзогамии, обнаруженной в историческом прошлом многочисленных народов Азии, Океании, Америки, Африки и Европы.

В ряде своих конкретных, посвященных отдельным народам исследований советские этнографы и археологи показали, что основой истории первобытного общества являлось поступательное прогрессивное развитие материальных производительных сил, закономерно приведшее к возникновению материнско-родового строя, а затем к его распаду и вызреванию в недрах первобытного общества классовых, эксплуататорских отношений. Значительное расширение круга источников позволило более обстоятельно, чем это было возможно в XIX в., изучить процессы разви-

тия первобытной формации и, руководствуясь марксистской теорией, детально исследовать происхождение и эволюцию основных социальных институтов этой формации. Большое значение в этом плане имели исследования советских ученых о времени и путях становления человеческого общества (Я. Я. Рогинский, С. П. Толстов, П. И. Борисковский), о возникновении родового строя и экзогамии (А. М. Золотарев, Е. Ю. Кричевский, С. А. Токарев, Д. А. Ольдерогге, Н. А. Бутинов), о конкретных формах и институтах первобытной материнско-родовой общины (М. О. Косвен), о военной демократии (С. П. Толстов) и обо всем широком комплексе проблем, связанных с разложением родового строя и складыванием классового общества.

Как уже отмечалось, проблемам разложения родового строя и возникновения отдельной семьи, частной собственности, классов и государства Энгельс придал особое идейно-теоретическое значение, заострив их разработку против господствовавших в современной ему науке теории изначальности всех основных устоев классового общества. Эти проблемы, поднятые Энгельсом в ценнейшем разделе его труда — главе «Варварство и цивилизация», — почти целиком были исследованы им заново, совершенно независимо от Моргана, не сумевшего подняться до понимания процессов классовообразования и классовой борьбы. Именно эта сторона концепции Энгельса вызвала наиболее упорные нападки реакционной науки, противопоставившей ей фальсификаторский тезис об извечности патриархальной или даже моногамной семьи — «естественной» носительницы начал частной собственности и принудительной власти, тезис, защищавшийся такими столпами буржуазной этнографии, как Старке и Вестермарк, Шмидт и Копперс, Малиновский и Лоуи.

Продолжая дело Энгельса, советские ученые посвятили указанным вопросам ряд конкретных историко-этнографических исследований и сводных, обобщающих работ. А. М. Золотаревым и М. О. Косвеном были изучены новые данные об историческом приоритете групповых форм семьи и брака. Н. А. Кисляковым, А. Н. Кондауровым, М. О. Косвеном и другими учеными привлечены и интерпретированы обширные новые материалы, показавшие сравнительно позднее возникновение патриархальной семейной общины, еще позднее, на стадии распада первобытного общества, сменяющейся индивидуальной, или моногамной, семьей. Много внимания было уделено изучению процесса классовообразования, отдельные этапы которого прослежены на материалах этнографии ряда народов Сибири, Средней Азии и Кавказа. Исследованные А. Н. Бернштамом, С. П. Толстовым, Л. П. Потаповым данные о патриархально-феодалных отношениях у различных, преимущественно кочевых, народов Советского Востока много дали для понимания генезиса феодальной собственности, ранних форм эксплуатации и становления отдельной от народа государственной власти. С этнографическими работами сомкнулись труды историков и археологов — Б. Д. Грекова, Б. Б. Пиотровского, Х. А. Моора, М. М. Дьяконова, С. В. Киселева, С. З. Зиманова и др. Во всех этих исследованиях, как и в соответствующих исследованиях философов, юристов, экономистов, на большом фактическом материале была наглядно продемонстрирована несостоятельность и тенденциозность попыток опровергнуть научные положения марксизма о времени, путях и причинах возникновения классов и государства.

Таким образом, в целом, вопреки всем стараниям буржуазных ученых, разработка проблем первобытной истории в марксистской науке привела к утверждению, развитию и конкретизации теоретических установок исторического материализма. Эта разработка показала, что не только принципиальные установки, но и все основные научные положения, развитые Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», выдержали 75-летнюю проверку временем; что лишь одни эти установки и положения являются единственно надежной и плодотворной

методологической основой познания древнейшего прошлого человечества; что все идеалистические направления в науке о первобытном обществе — от откровенного агностицизма Гребнера и Малиновского до псевдоисторического антиэнгельсовского схемотворчества В. Шмидта и его последователей — представляют собой антинаучные конструкции, рассыпающиеся при ближайшем соприкосновении с данными объективной науки.

В ряде своих специальных работ советские этнографы подвергли острой научной критике методологические основы и практические результаты исследований школы культурных кругов и венской культурно-исторической школы (С. П. Толстов, С. А. Токарев), функционалистов (Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин), американских диффузионистов и этнопсихологов (М. Г. Левин, Ю. П. Аверкиева, Н. А. Бутинов). Показав антинаучность и бесплодность этих направлений, обнажив реакционную сущность апологетики капиталистического строя, колониализма, а подчас и откровенного человеконенавистнического расизма, работы советских ученых способствовали дальнейшему обострению кризиса буржуазной этнографической науки, усилили в ней организационный разброд и идейные шатания.

В последние годы в марксистскую разработку проблем первобытной истории активно включилась наука стран народной демократии. Серьезную работу в этой области ведут ученые Китайской Народной Республики (Ли Я-нун, Люй Чжэнь-юй), Германской Демократической Республики (К. Х. Отто, И. Зелльнов) и других социалистических стран.

Однако как ни значительны успехи марксистской науки в изучении истории первобытного общества, было бы ошибкой считать, что в настоящее время работа на этом участке идеологического фронта может быть в какой-то мере ослаблена. Напротив, современная историческая обстановка требует ее всемерного расширения и углубления, так как сейчас эта работа приобретает не только мировоззренческое, но и огромное практическое значение. Пробуждение Африки и дальнейшее развертывание освободительного движения в странах Азии, Южной Америки, во всем колониальном и зависимом мире привели к тому, что сейчас, как никогда, расширился круг народов, ставших непосредственными активными участниками важнейших исторических процессов современности. В числе их немало народов, еще стоящих на различных стадиях разложения первобытно-общинного строя или же сохранивших многочисленные его остатки. Вопрос о путях развития внеевропейских народов, об их ближайших исторических судьбах принадлежит к числу наиболее актуальных политических проблем нашей эпохи. Этот вопрос уже приковал к себе пристальное внимание буржуазной философии: именно с ним в значительной степени связывается появление новейших социологических спекуляций Тойнби, Сорокина и т. п., которые в обстановке крушения идей европоцентризма усиленно пропагандируют теории многолинейности исторического процесса, принципиальной несравнимости отдельных цивилизаций и отдельных исторических эпох, а тем самым и полный отказ от идеи социального прогресса. С этими спекуляциями в свою очередь связаны отмеченные выше концепции неозволюционизма, релятивизма и другие новейшие историко-этнографические теории, входящие в моду в реакционной буржуазной науке. Опираясь данными по отдельным племенам и народам, огромным фактическим материалом, накопившимся со времен Маркса и Энгельса, буржуазная этнография продолжает и усиливает свои атаки на марксизм, пытаясь «доказать» ошибочность историко-материалистического мировоззрения и, в частности, устарелость общих теоретических положений «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

В этих условиях перед прогрессивной марксистской этнографией встает задача значительного увеличения объема работ в области исследования и обобщения накопившегося за последние десятилетия историко-

этнографического материала. Такая работа в известной мере проводится в связи с изданием советской этнографической серии «Народы мира», но, как явствует из сказанного выше, эта работа не может быть признана достаточной. Необходимо создание ряда монографических трудов, посвященных истории отставших в своем развитии народов мира, трудов, в которых на основе всего накопленного современной наукой материала было бы показано, что никакое конкретно-историческое своеобразие отдельных этнографических обществ ни в коей мере не может быть использовано для «опровержения» тезиса о принципиальном единстве и закономерной поступательности исторического процесса. Идя этим путем, марксистская история первобытного общества не только еще раз разрушит сконструированные буржуазной наукой реакционные антинаучные схемы, но и окажет непосредственную практическую помощь тем народам мира, которые, выходя на дорогу самостоятельного развития, все еще вынуждены преодолевать остатки первобытной отсталости, законсервированные веками колониального гнета.

* * *

«Наша теория,— учил Энгельс,— это теория развития, а не догмат, который надо затвердить и механически повторять»⁵. Разработка научного наследия Энгельса советской историко-этнографической школой носит творческий, созидательный характер. За три четверти века, прошедшие со времени выхода в свет «Происхождения семьи, частной собственности и государства», в связи с накоплением огромного нового научного материала возник ряд новых проблем, а некоторые частные положения труда Энгельса потребовали нового обоснования и уточнения.

В какой мере новый фактический материал требует пересмотра тех или иных взглядов Энгельса на историю первобытного общества? Марксистская и псевдомарксистская ревизионистская наука отвечают на этот вопрос по-разному.

Как известно, разработанная основоположниками научного коммунизма концепция первобытного исторического процесса, являясь составной частью общей концепции исторического материализма, еще при жизни Энгельса стала подвергаться ревизии в работах немецких реформистов. Среди последних особенно отличился историк и этнограф Г. Кунов, который, начав в 1890 г. свой поход против марксизма защитой каутскианской теории завоевания, в последующих работах пришел к отрицанию всей системы марксистских взглядов на историю первобытного общества. Ссылаясь на последние данные этнографии, в частности на еще не интерпретированные в то время марксистской наукой новые данные этнографии австралийцев, Кунов отрицал исторический приоритет и универсальность материнско-родового строя со свойственными ему групповыми формами брака и пытался доказать изначальноность «охотничьего патриархата» и индивидуальной семьи. В своих последних, относящихся к 1920-м годам работах Кунов уже прямо скатился на позиции культурно-исторической школы и квалифицировал все марксистское учение о первобытном обществе как не отвечающее данным современной науки; основу марксистского понимания первобытности — учение о первобытном коллективизме — Кунов объявил не более чем «голой фикцией».

Эти и аналогичные им атаки на марксизм поныне ведутся ревизионистской этнографией, которая, выступая единым фронтом с буржуазной наукой и испытывая ее сильнейшее влияние, пытается объявить устаревшими и тем самым опровергнуть взгляды Маркса и Энгельса на первобытность. Весьма характерно в этом отношении положение, сло-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 614.

жившееся в одном из центров современного ревизионизма — Югославии. В югославской этнографии заметно сказывается влияние реакционной буржуазной идеологии. На страницах «Преграда», «Словенского этнографа» и других научных изданий в последние годы печатались статьи в защиту функционализма, велась пропаганда этнопсихологического изучения культурных «образцов» и «конфигураций»⁶. Неудивительно, что в этих условиях югославские этнографы-ревизионисты по следам Кунова пытаются опровергнуть марксистское учение о первобытном обществе и объявляют «всею лишь гипотезой» такие его твердо установленные положения, как, например, тезис о развитии семьи и брака от групповых форм к индивидуальным⁷.

Ревизионизм, как и откровенно буржуазная наука, безуспешно пытается воспользоваться новыми данными этнографии для опровержения исторической концепции марксизма. На принципиально противоположных позициях стоит подлинно марксистская наука. Отстаивая и творчески развивая взгляды Энгельса и в то же время решительно борясь с тенденциями догматизма, она показывает, что неизбежное уточнение отдельных положений «Происхождения семьи, частной собственности и государства», в первую очередь ряда воспроизведенных Энгельсом тезисов Моргана, ни в коей мере не затрагивает самого существа этих взглядов.

Не кто-иной, как сам Энгельс, показал пример творческого марксизма, с замечательной прозорливостью отметив отдельные места своего труда, могущие в дальнейшем потребовать известного пересмотра и уточнения.

Приняв в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» созданную Морганом периодизацию истории первобытного общества, Энгельс указал, что эта периодизация останется в силе до тех пор, «пока значительное расширение материала не заставит внести изменения»⁸. Развитие этнографической и археологической науки после 1880-х годов в целом блестящим образом подтвердило правильность основных критериев, положенных в основу данной периодизации, и намеченных в ней исторических граней, в своих важнейших чертах соответствующих археологически установленным периодам развития первобытных производительных сил. Но вместе с тем развитие науки показало, что данная периодизация не только требует ряда отдельных фактических уточнений⁹, но и не лишена более общих недочетов, связанных прежде всего с недостаточным выделением некоторых узловых моментов истории первобытного общества. Своим членением первобытной истории на эпохи «дикости» (присваивающее хозяйство) и «варварства» (производящее хозяйство) Морган как бы отодвинул на второй план две принципиальные грани, отделяющие этап расцвета первобытно-общинного строя от этапов его становления и распада. Между тем, с конца XIX в. был сделан ряд важнейших палеоантропологических открытий, показавших качественное своеобразие начального этапа первобытно-общинной формации (периода «нижней ступени дикости», по Моргану); в то же время успехи этнографии и археологии существенно уточнили наши представления о заключительном этапе этой формации (периоде «высшей ступени варварства») и также помогли лучше понять его качественное отличие от

⁶ См.: M. S. Filipović, Etnoloski (etnografski) rad u Bosni i Hercegovini, «Pre-gled», 1955, октябрь; его же, Savremena etnologija ili etnografija, там же, 1956, март — апрель; B. Bratanić, Regionalna ili nacionalna in opća etnologija, «Sloven-ski etnograf», т. X, 1957.

⁷ M. S. Filipović, Savremena etnologija ili etnografija, стр. 151—152.

⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1952, стр. 20.

⁹ См.: С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, № 1.

двух предыдущих ступеней «варварской эпохи». Таким образом, новые данные науки, в целом отнюдь не опровергнув периодизации Моргана—Энгельса, при внесении отдельных коррективов полностью сохранившей свое значение для детальной характеристики первобытного исторического процесса, позволили выработать новую периодизацию, выделяющую три основных этапа, соответствующих времени становления, расцвета и разложения первобытно-общинной формации.

Первый этап развития первобытного общества — эпоха первобытного человеческого стада — был выделен В. И. Лениным, который на основе накопленного в посленгельсовское время огромного палеоантропологического и археологического материала подчеркнул качественное отличие этого этапа от сменяющего его этапа родового строя. Нижней границей эпохи первобытного стада советские историки и антропологи считают начало изготовления искусственных орудий и появление человека древнейшего типа, верхней — возникновение родового строя и появление *Homo sapiens*. В последнее время, правда, в статьях Б. Ф. Поршнева имели место попытки пересмотреть эту точку зрения и отодвинуть грань возникновения человека и человеческого общества к верхнему палеолиту. Эти попытки встретили решительный отпор со стороны советских антропологов, историков и философов, показавших методологическую и фактическую порочность выдвинутых Б. Ф. Поршневым аргументов¹⁰.

Столь же единодушно решается в советской науке вопрос о втором этапе развития первобытного общества — эпохе родового строя с его универсально-исторической основной экономической ячейкой — материнско-родовой общиной. Понимание классического материнско-родового строя как подлинного воплощения и расцвета первобытно-общинной формации с замечательной глубиной раскрыто в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса и вновь многократно подтверждено всем накопившимся за последующие десятилетия фактическим материалом.

Сложнее обстоит дело с пониманием, а вместе с тем и наименованием третьего этапа первобытности — эпохи разложения первобытной родовой общины. В дискуссии по этому вопросу, которая вот уже около полутора десятков лет ведется в советской научной литературе, можно выделить два основных направления. Сторонники первого из них рассматривают этап разложения родовой общины как период, единый по своему социально-историческому содержанию, но многообразный по воплощающим его формам. В зависимости от конкретно-исторических условий развития того или иного народа разложение родовой общины проходило в одних случаях преимущественно в форме позднего матриархата, в других — в форме патриархата, в третьих — в форме преобладания рано развившихся соседско-общинных связей, причем во всех этих случаях крупнейшим фактором разложения первобытно-общинного строя и формирования в недрах его классов и государства являлось развитие специфических отношений военной демократии. Отправляясь от этого последнего обстоятельства, С. П. Толстов в 1946 г. предложил назвать весь данный этап эпохой военной демократии¹¹; позднее А. Л. Монгайт и А. И. Першиц, указывая на прогрессирующее развитие на третьем этапе первобытности территориальных отношений, внесли предложение назвать его эпохой первобытной соседской общины¹². Второе направление

¹⁰ Обзор литературы по данному вопросу см. в работе: Ю. И. Семенов, К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества, «Сов. антропология», 1958, № 4.

¹¹ С. П. Толстов, Указ. раб.

¹² А. Л. Монгайт, А. И. Першиц, Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет, «Вопросы истории», 1955, № 1; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, «Сов. этнография», 1955, № 4

в трактовке вопроса представлено М. О. Косвен, выделяющим универсально-историческую стадию патриархата и сменяющую ее стадию военной демократии¹³. Вопрос об основных линиях распада первобытно-общинного строя остается, таким образом, дискуссионным и продолжает настоятельно требовать своей разработки. Нельзя забывать, что в современных условиях это не просто академический вопрос дальнейшего уточнения периодизации первобытной истории, а вопрос о путях исторического развития сотен племен и народов, в той или иной мере еще переживающих состояние разложения родовых, первобытно-общинных отношений.

Доработки потребовали и некоторые другие, более частные положения Моргана, воспроизведенные в труде Энгельса. Так, в частности, подвергся пересмотру вопрос о так называемой кровнородственной семье, реконструированной Морганом в качестве первой, сменившей первоначальный промискуитет, формы группового брака. Если в первом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельс безоговорочно принял эту форму развития брачно-семейных отношений, то уже семь лет спустя, в четвертом, переработанном издании своего труда, он, ссылаясь на исследования Файсона и Хаутта, в принципе допустил возможность и другой точки зрения, согласно которой стадия промискуитета непосредственно сменяется стадией экзогамно-родового группового брака. Во времена Энгельса более вероятной казалась гипотеза Моргана, аргументированная материалами этнографии полинезийцев и особенностями так называемой малайской системы родства. Однако впоследствии работами зарубежных (В. Риверс) и советских (А. М. Золотарев, Д. А. Ольдерогге) этнографов было установлено, что аргументация Моргана основывалась на ошибочной оценке им общественного строя полинезийцев, которых Морган относил к «средней ступени дикости», тогда как они, особенно гавайцы, стояли на последнем этапе развития первобытного общества и у них имело место зарождение классовых отношений и государства. Тем самым стало ясно, что малайская система родства, являясь весьма поздней формой, ни в коей мере не доказывает существования кровнородственной семьи. В настоящее время большинство советских историков первобытного общества отказалось от этой гипотетической стадии развития брачно-семейных отношений и начинает историю группового брака непосредственно с его древнейших экзогамно-родовых форм. Попытки отдельных советских специалистов, в частности П. И. Борисковского, реконструировать кровнородственную семью независимо от малайской системы родства не подкреплены каким-либо фактическим материалом¹⁴.

Не подтвердилось данными современной этнографии и биологии приведенное в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» моргановское объяснение возникновения экзогамии из стремления избежать кровосмешения. Советскими учеными А. М. Золотаревым, С. П. Толстовым, Н. А. Бутиновым был сделан ряд попыток уяснить и конкретизировать историю возникновения экзогамии¹⁵, однако в целом эта сложная проблема не может еще считаться решенной и требует дальнейшей разработки.

¹³ М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3; его же, Очерк истории первобытной культуры, изд. 2, М., 1957.

¹⁴ См.: П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества, М., 1957, стр. 137—140.

¹⁵ А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии, «Изв. ГАИМК», т. X, 1931, вып. 2—4; С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1936, № 9—10; Н. А. Бутинов, Проблема экзогамии (на материале австралийцев), сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XIV, М., 1951. См. также: И. А. Золотаревская, Дискуссия о проблеме экзогамии, «Сов. этнография», 1947, № 3.

Обширное поле деятельности советской науки составляет исследование ряда проблем первобытной истории, в общей форме гениально истолкованных Марксом и Энгельсом, но все еще продолжающих требовать детализированной разработки. В послеэнгельсовской литературе остаются недостаточно исследованными вопросы формирования отдельной собственности патриархальной семьи, патриархального рабовладения, перехода от родовых связей к территориальным, процесса превращения органов военной демократии в органы государственной власти. Особенного внимания требуют такие не затронутые Энгельсом по недостатку в его время фактического материала вопросы, как значение мужских союзов и тайных обществ в укреплении раннеклассовых отношений и проблема возникновения обычного права. Наконец, в проблеме происхождения религии, основательно разработанной в части опровержения всякого рода теорий изначальности религиозного мировоззрения и первобытного монотеизма, остаются недостаточно изученными вопросы исторического соотношения наиболее ранних форм религиозного мировоззрения — анимизма, тотемизма, магии и т. д.

Первобытный раздел исторической науки, привлекий к себе специальное внимание основоположников научного коммунизма, имеет большое мировоззренческое и политическое значение. Творческая разработка проблем истории первобытного общества, и в первую очередь основных положений «Происхождения семьи, частной собственности и государства», продолжает оставаться важной задачей советских этнографов. Вместе с тем в условиях дальнейшего обострения кризиса буржуазной науки и появления ряда новых реакционных историко-этнографических концепций особенную актуальность приобретает поставленная Н. С. Хрущевым задача «разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории»¹⁶. Только успешным решением этих ответственных задач советские исследователи первобытного общества смогут внести свой вклад в реализацию исторических предначертаний XXI съезда КПСС — съезда строителей коммунизма.

¹⁶ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 67.